

ЛЕНИНГРАДСКИЕ зрители встречаются с театром из Франции «Компани Мадлен Рено — Жан-Луи Барро» как с давним знакомым. Когда в 1962 г. эта труппа гастролировала в Советском Союзе, она показала великолепные подлещины французской классики — Мольера и Мариво, а также современную пьесу и традиционную для театра поэтическую композицию. Программа вышедших гастролей составлена так же. Вчера зрители познакомились со спектаклем «Дарованная жизнь» — это вечер французской поэзии. Сегодня идет пьеса современного драматурга Колина Хитчинса «Гарольд и Мод». Национальную классику представляет трагедия Поля Клоделя «Христофор Колумб» в постановке Жака-Луи Барро. Написанная за несколько лет до смерти писателя в 1955 г., она является итогом раздумий 80-летнего драматурга о смысле жизни, об исторической памяти.

Клодель создавал свое произведение совместно с выдающимся композитором Дариусом Мийо как неразрывное художественное единство. Музыка здесь не иллюстрирует события пьесы, не просто поддерживает ее эмоциональный строй. Все ее ритмы точно соотносены с ритмами драматического действия, включены в структуру спектакля, звучащего как торжественная оратория.

Спектакль открывает пыльное церемониальное шествие сквозь зрительный зал. Колышутся

высоко поднятые знамена, звучат победно фанфары. Этот парад ведет Колумб — Жан-Луи Барро в плаще, высоких ботфоргах, исполненный силы и мужественной красоты. Так возникает хрестоматийно-романтический образ отважного мореплавателя, героя нации.

Этот парад смещает стихия свободной театральной игры,

движно сидящим в кресле с краю сцены, но глубоко проживет путь веры, подвига и страдания.

Лоран Терзиев в роли второго, не легендарного Колумба, играет одержимость своего героя, предназначенные, лавованное свыше. Это — страстный бунтарь и провидец будущего. В одиночестве про-

Круг метафор пьесы — белый голубь, золотое кольцо, мученические цепи — связан с символическим католицизмом, поэтому которого был Клодель. Но сам Жан-Луи Барро писал, что достоинство проповедения Клоделя он видит не в этом. Многие символы режиссер трактует, изменяя смысл: не святой дух, а мощная челове-

матросов, проданных в рабство индейцев Центральной Америки. Сила режиссерского почерка Барро в свободе, с которой он пользуется самыми различными средствами театра, смело объединяя их в художественно целостный сигнал.

В финале спектакля Колумб стар и нищ, в его сумке лишь старые бумаги, женский портрет и ржавые цепи. Открытая им земля названа именем Америго Веспуччи. Но на вопрос, во имя чего же терпел Колумб жестокие издевательства, не напрасно ли прожита была его жизнь, театр дает определенный ответ. В самую горькую минуту с кресла поднимается Колумб Жака-Луи Барро и идет навстречу Колумбу — Терзиеву — человеку реальной судьбы. Вместе, тесно обнявшись, они уходят вдаль. Звучит мыслящая завершающего действия гимна альфозова. Миф и история слиты, легенда должна принадлежать человечеству. По пластической выразительности, емкости и ясности выраженной мысли эта сцена соединения — одна из самых впечатляющих в спектакле.

Такой финал утвердил высокие духовные ценности — победу человеческого разума, бескорыстный энтузиазм и готовность к подвигу во имя будущих поколений, высветля гуманистический идеал этого интересного, во многом неожиданного спектакля наших гостей с берега Сены.

М. ДРУЗИНА

«ХРИСТОФОР КОЛУМБ» В ПАРИЖСКОМ ТЕАТРЕ у нас на гастролях

где актеры и хор разбивают основное действие — подлинную драму жизни Колумба. Яркое красное одеяние одного из участников шествия оказывается вдруг не кардинальской мантией, а бархатным халатом нашего современника, который читает и по ходу событий комментирует объемистый том — книгу бытия великого путешественника. Жизненность, естественность интонации у Ива Гаска в роли Комментатора придает этому рассказу особую достоверность. И все время, пока музыканты (дирижер Андре Жирар), хор и актеры будут вести это повествование, Жан-Луи Барро — Колумб из легенды останется почти непо-

ходит он крути жизни. Его жажду знания не понимают в отчем доме — простой семье генуэзского ткача. Ни пим издеваются при дворе испанского короля, где властвуют зависть, тщеславие, невежество, скудость духа и сердца. Ему отказывается подчиниться команда корабля. И дело всей жизни не приносит ему ни славы, ни богатства.

Единственный светоч на пути Колумба — ясновидящая королева Изабелла, вдохновительница и помощница. Поразительная мера мастерства, с которой Мадлен Рено воссоздает магическое ощущение прекрасного, но холодного сияния, окружающего королеву.

ческая рука творит Веспучию. Полет голубя — рвущийся к открытию нового мира человеческая мысль.

Пьеса дала мощный толчок воображению и изобретательности режиссера. Спектакль Жака-Луи Барро — прекрасное и яркое зрелище. Ключевой его образ — морская стихия. На фоне то синего, то серого, то тропию черного неба, перерезанного по вертикали туго натянутыми судовыми канатами. — огромное белое полотнище паруса. Автор этой декорации тоже Жан-Луи Барро. Он проецирует на парусину изображение, расширяющее социальную картину мира, — сцены казальной вербовки

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
г. ЛЕНИНГРАД

1 АПР 1976